

Элицитация: о несерьёзном

Ландер Юрий Александрович

Высшая Школа Экономики, Москва

yulander@yandex.ru

Элицитация – по-прежнему «дешёвый и простой» способ добывать данные о грамматике. Отчасти дело в недостатках другого источника – корпуса текстов. Все знают, что в корпусе нельзя найти отрицательную информацию, «то, как сказать нельзя». Все знают, что у редких явлений, редких контекстов, есть шанс (даже большой) не попасть в корпус (даже большой), потому что они редкие. Все знают, что в корпусе бывают примеры, которые носители однозначно оценивают как неправильные, как ошибки, как оговорки. Все знают, что в корпусе могут встретиться жанры, которые предполагают выпендрёж. Кто-то скажет, что корпус отражает *performance*, но не отражает *competence*: последнее включает знание о неграмматичности и об использовании даже в самых странных контекстах, первое – в частности, возможность сбоев или намеренное использование языка «не по назначению». Если под назначением понимается нечто внешнее, не работа с языком ради языка.

Все знают, что элицитация как-то решает эти проблемы. Все легко получают частотные контексты без поиска по корпусу, и эти данные совершенно надёжны. Но зато все заглядывают и в нечастотные контексты, в места, которые все «в обычной жизни» не видят, и узнают, что происходит там – если происходит (и если существование подобных мест вообще приходит в голову, причём не всегда естественным образом). Естественно, в этих туманных областях у всех больше вероятности увидеть вариативность, заметить неуверенность, но это все умеют отражать, включив в число используемых «научных символов» дополнительные – скажем, обозначения процентов или количество вопросительных знаков.

Все знают, что за этим туманом что-то кроется. Быть может, это отсутствие контекста – хорошо, добавим этот контекст! Быть может, это сложность структуры, порою не видимой простым глазом – но так мы её и увидим. Быть может, это стремление человека говорящего связывать свои представления о том, что может быть сказано, со значением, в то время как предмет изучения – не значение, а грамматика; все обойдут эту проблему встраиванием в метаязыковую семантику: скажем, спрашивая императивную форму от слова ‘дождь’, попросят перевести предложение со значением ‘Предложение Будь дождём! сказать некому’.

Впрочем, уже это – попытка обойти ситуацию, когда языковой консультант не понимает твоих интересов. Консультант, почитаемый идеальным, осознаёт, чего от него хотят, хотя и не строит самостоятельных гипотез, способных повлиять на него самого. Как прекрасно, когда носитель знает, что реакцией на слово заставлять должна быть каузативная форма! Как ужасно, когда носитель отвечает в ответ на стимул X выше Y-а «переводом» с буквальным значением ‘X высокий, Y низкий’ – то есть так, как это обычно говорится (и для каких-то других языков считается основным способом построения сравнительной конструкции)! Многие консультанты со временем принимают правила элицитации: они уже сознают, что не независимы, что они участники происходящего, которые должны принимать во внимание и других участников.

Интересно осмыслить статус того, что мы при этом получаем. Что это за *competence*, который мы таким образом описываем? Что происходит с носителем, когда он строит то, что никогда бы в жизни не стал строить? Зачем он это делает помимо потакания собеседнику? – Скорее не чтобы понять возможности языка, а чтобы понять свои возможности.

Простое утверждение состоит в том, что сам контекст элицитации позволяет носителю пытаться строить высказывания, которые он в иных случаях не строит. Контекст этот предстаёт в виде игры, где

делается то, что в иных случаях не делается. Так элицитация удаляет многие требования – иногда даже к осмысленности (мечта последователей зелёных бесцветных идей).

Отношение носителей к подобной игре разнится. Одни получают от элицитации и удовольствие как от игры. Можно даже играть с ними, поскольку исследователь заранее пытается увидеть материал иначе – подобно детскому конструктору – и будучи свободным от того, что вне этой игры, способен придумывать «языковые забавы», неожиданные для консультанта (произнесите по-адыгейски ‘новым кончиком хвоста’ – *ǰ'eǰ'aǰ'emǰ'e*). Вторым игра не нравится, потому что в паре с опрашивающим они ощущают, что игра играет и ими, ведь им даже не разрешено показать себя проигравшими. Третьи не понимают правила и считают, что они всё ещё «в обычной жизни» – и тогда языковые забавы превращаются в издевательство над языком, а возможности, которые хочет увидеть исследователь, не открываются.

Так или иначе, познаваемые возможности использования языка – в итоге сами языковая игра, будь то словотворчество или конструирование сложных синтаксических конструкций. А разные люди могут быть в разной степени исходно талантливы в отношении творчества: одни не боятся творить самостоятельно, а других творчеству их надо учить.

(Я, кстати, вижу, что языковая игра как оперирование языковыми выражениями нередко нуждается в другой игре, объемлющей. Так и поэзия часто возникает в каком-то пространстве. Часто, но не всегда – и конечно же, встречается и особенно ценна и обратная ситуация, когда поэзия пространство создаёт.)

Однако исследователь привык не доверять языковым играм. Скажем, если какой-то порядок слов будет встречаться исключительно в поэзии, это скорее будет воспринято как возможность нарушения правила, которую предоставляет поэзия. Более того, такое нарушение и указывает на правило, пусть это правило не настолько жёсткое, как абсолютная неграмматичность, которую правила игры-элицитации не позволяют обойти. Это наводит на мысли о разных правилах – из чего можно только сделать вывод о неврождённости каких-то правил, но никак не сделать вывод о врождённости других; никто по-прежнему ничего о них не знает, и не исключено, что никто и не представит их нарушения, пока не встретит эти нарушения воочию.

Итак, элицитация – игра, которая делает возможной языковую игру. Результат, получаемый в результате элицитации, – зачастую результат языковой игры. Competence, к чьему описанию стремятся те, кто в него верят, – способность к языковой игре, и определяется она перформансом, выполняемым носителем языка перед исследователем, но нередко и ими вместе.

И когда кто-то пишет грамматическое описание, он часто смотрит не на язык как инструмент, а на то, в чём принято обвинять корпус, – на способность к выпендрёжу, на использование языка не для формулировок, не для обретения чем-то формы, а на работу с языком ради языка. Это не обязательно поэзия, это любая ситуация, где люди думают над своим языком (в частности, большая часть письменной речи) – везде, где нависают какие-то правила, в которые играют люди. Слабость или отсутствие подобных правил в устной речи создает ее анархичность – другие возможности. Но языковых игр – «несерьёзного», создающего иллюзии – намного больше, чем кажется. Мы занимаемся несерьёзным (и ничего в этом нет такого).

Основные высказанные здесь идеи появились благодаря выступлению автора на круглом столе «Проблемы и лайфхаки сбора данных в полевых условиях», проведенном в рамках Летней школы по полевой лингвистике НИУ ВШЭ в августе 2024 года. Автор признателен участникам круглого стола

независимо от их роли за обсуждение выступления, а также А. Русских, В. Плунгяну, Д. Рыжовой и анонимным читателям из редакционной коллегии за мысли и комментарии по первой версии текста.